

А. В. Лаврентьев

ПРИНАДЛЕЖАЛ ЛИ ИВАНУ ГРОЗНОМУ «ШЛЕМ ИВАНА ГРОЗНОГО»?

В Королевской Оружейной палате (Стокгольм) хранится шлем с круговой надписью «ШЕЛОМЪ КНЯСА ИВАНА ВАСИЛИЕВИЧА ВЕЛИКѠГѠ КНЯСА СНА ВАСИЛІА ИВАНѠВИЧА ГОСПОДАРА ВСЕА РУСИ САМѠДЕРЖЦА». Принадлежавший царской казне, шлем, как полагают, в Смуту начала XVII в. оказался в Речи Посполитой, откуда, в свою очередь, был вывезен шведами во время Потопы, между 1655 и 1660 гг., в Стокгольм, где и хранится по сей день¹.

«Шеломъ», как полагают исследователи, либо восточного происхождения, а кириллическая надпись нанесена в Москве, либо был изготовлен в Москве оружейными мастерами с Востока и надпись, в таком случае, принадлежит их московским коллегам².

Скорее всего, истине соответствует первая версия. Кириллическая надпись не просто вторична по отношению к первоначальному декору. Она втиснута в единственный узкий, оставшийся незаполненным по чисто декоративным мотивам, просвет между широким орнаментальным поясом нижней части шлема и декором верхней его части. Совершенно очевидно, что в первоначальном замысле декора кириллическая строка на шлеме не планировалась.

¹ *Бобринский А. А.* Шлем Ивана Грозного // Записки Имп. Русского археологического общества. СПб., 1898. Т. 10. Вып. 1–2. Новая серия. С. 316–325. — Шведская историография считает шлем трофеем Потопы (см.: *Bursell B.* Krigsbyte (War-booty). Livrustkammaren. Stockholm, 2007. Cat. 3.30 (P. 241; здесь же приведена шведская библиография шлема). Высказывалось мнение, что шлем мог попасть в Стокгольм и ранее, как военный трофей последнего этапа Ливонской войны (*Мусин А. Е.* Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 293), но сам царь, как известно, на театр военных действий не выезжал и, соответственно, царский доспех, надо думать, не покидал Кремля.

² Свод мнений о происхождении шлема см.: *Богатырев С. Н.* Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). С. 188.

Выводы о личности владельца шлема естественным образом делались из анализа надписи, в которой упомянуто два имени, и речь в ней идет о московских суверенах, отце и сыне. Открывает надпись имя Ивана Васильевича, а завершает Василия Ивановича.

Сомнений в том, кому предназначался шлем, надпись как будто бы вызывать не должна — тому, чье имя начинает круговую строку, князю Ивану Васильевичу, будущему царю Ивану Грозному, сыну великого князя Василия Ивановича, имя которого стоит вторым. Если это так, то ясна и датировка надписи, короткий промежуток между 1530 и 1533 гг., годом рождения великокняжеского первенца, Ивана Васильевича, и годом кончины его отца, великого князя Василия III³. Тем не менее, некоторые сомнения все-таки возникают, и они двоякого рода.

Во-первых, если стоящий первым Иван Васильевич действительно наследник московского великокняжеского стола, то он вообще-то титулуется дважды, впрямую «князем», и, опосредованно, «великого князя сыном», а его отец, великий князь Василий Иванович, в таком случае, вообще не имеет при имени великокняжеского титула — он только «господарь всея Руси самодержец». Возможно ли так?

Во-вторых, имея в виду младенческий возраст Ивана Васильевича, коль скоро речь идет о максимум трехлетнем будущем «Грозном царе», надо в определении владельца все-таки учитывать и размеры «шелоба», длина окружности которого, 65 см⁴, соответствует современному, отнюдь не детскому, размеру головного убора.

В надписи при именах присутствуют два важнейших определения: «господарь всея Руси» и «самодержец», выводящие нас сразу в один из ключевых периодов становления политического самосознания Российского государства, рубеж XV–XVI вв.

Титулование великих князей Владимирских «государями всея Руси» существовало едва ли не с XII в., но только в княжение Ивана III и его наследников — сына, Василия III, и внука, Ивана Васильевича (до царского венчания в 1547 г.) — «государь (господарь) всея Руси» вошло в регулярное употребление как составная часть великокняжеского титула⁵. При этом «титлы» всех трех последних великих князей обязательно включали и собственно «великокняжескую», и «государскую» части⁶; примеры, когда великий князь титуловался только «государем» («господарем»), без «великий князь», — как будто бы не известны.

«Двойное» титулование стоящего первым в надписи на стокгольмском шлеме Ивана Васильевича — прямое («князь») и опосредованное, через сыновний статус («великого князя сын»), при отсутствии титула «великий князь» у второго имени, Василий Иванович (как полагают, отцовского) — представляется в связи с этим идущим в разрез традиции.

³ Бобринский А. А. Шлем Ивана Грозного. С. 322; Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. М., 1912. Т. 2. С. 210; Орел и лев. Россия и Швеция в XVII в. Каталог выставки / Отв. ред. Н. С. Владимирская. М., 2001. С. 56–57 (№ 3); Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 186–189; Bursell B. Krigsbyte (War-booty). Livrustkammaren. P. 241.

⁴ Бобринский А. А. Шлем Ивана Грозного. С. 318. — В новейшей публикации указана несколько меньшая цифра, 62 см (Орел и лев. Россия и Швеция в XVII в. С. 56), что в принципе дела не меняет.

⁵ Кустарев С. Н. «Великий князь всея Руси» в XI–XV вв. // Очерки феодальной России. М., 2002. Т. 6. С. 75–76.

⁶ Ср.: титулатуры на ходячей монете (Орешиников А. В. Русские монеты до 1547 г. и материалы к истории русской нумизматики доцарского периода. М., 2006. С. 147–159), печатях (Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 68–89) и надписях на Спасской башне Московского Кремля (Граценков А. В. Плита с латинской надписью со Спасской башни и титул государя всея Руси // Вопросы эпиграфики. М., 2006. Вып. 1. С. 10–15; Авдеев А. Г. Титулатура Ивана III в латинской и русской надписях на Спасской башне Московского Кремля // Там же. С. 16–25).

Завершающий надпись титул «самодержец» заслуживает особого внимания.

А. И. Филюшкин заметил, что ни Василий III, ни Иван Грозный так себя не титуловали, это обращение применялось в основном иностранными дипломатами по отношению к московским суверенам, а официально «самодержец» вошло в титулатуру вообще только в царский период, при Федоре Ивановиче⁷.

Тем не менее, хорошо известно, что первое официальное самотитулование самодержцем московского суверена относится все-таки к более раннему времени — 1492 г., но связано оно не с дипломатией. Его содержит надпись на Спасских (Фроловских) воротах Московского Кремля с именем заказчика строительства — Ивана III⁸, и это не единственный пример за время правления великого князя. В Извещении о пасхалии на тот же 1492 г. митрополит Зосима величает великого князя московского «государем и самодержцем всея Руси», и так же Иван III титулуется в Чине венчания наследником Дмитрия-внука 1498 г.⁹

При этом титулатура государственных печатей Ивана III, равно как и (на что обратил внимание А. И. Филюшкин) документов времени его правления, определения «самодержец» не содержит¹⁰. Возможно, сферой применения определения «самодержец» была внутренняя, придворная среда. Если это так, то вышеприведенные примеры показывают, что самохарактеристика «самодержец» в надписи на стокгольмском шлеме может указывать на время правления Ивана III.

Вообще надпись надо рассматривать в широком контексте ситуации с титулами московских Калитовичей рубежа XV–XVI вв. Начать же стоит не с состава титулов, а с соседства в надписях имен правителя-отца и наследника-сына и распределения между ними первенства.

В надписях на предметах очередность имен всегда строилась по одному стандарту, учитывающему «старейшинство» упоминаемых в надписях лиц, возрастное и политическое, естественным образом совпадавшие.

Во-первых, сохранились официальные надписи с упоминанием при правителе-отце сына или сыновей, имена которых всегда помещались после отцовского. Так выглядят, например, надписи 1600 г. с именами царя Бориса Федоровича Годунова и наследника, царевича Федора Борисовича: сохранившаяся до наших дней под куполом колокольни Ивана Великого в Кремле и аналогичная, недошедшая до нас, Троицкого собора г. Пскова¹¹, а также схожего содержания надписи на кремлевских постройках XVI в.¹² Таковую же последовательность в написании имен — сначала отец, а потом сын — сохранила и полити-

⁷ Филюшкин А. И. Василий III (ЖЗЛ. Вып. 1470). М., 2010. С. 52–53.

⁸ «В ЛЕТО 6999 ИУЛИА БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ СДЕЛАНА БЫСТ СИА СТРЕЛНИЦА ПОВЕЛЕНИЕМЪ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГДРЯ И САМОДЕРЖЪЦА ВСЕЯ РУСИИ...» (цит. по: Белоброва О. А. Латинская надпись на Фроловских воротах Московского Кремля и ее судьба в древнерусской письменности // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Т. 5. Новые атрибуции. М., 1987. С. 51).

⁹ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 149.

¹⁰ Ср.: Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. С. 70, 75, 79, 86.

¹¹ «Изволением Святыя Троицы повелением Великого Государя Царя и Великого князя Бориса Федоровича всея Руси самодержца и сына его благоверного Великого государя царевича и Великого князя Федора Борисовича всея Руси храм совершен и позлащен во второе лето государства их 108» (цит. по: По Кремлю. Краткий путеводитель. М., 1960. С. 84); о несохранившейся псковской надписи см.: Косточкин В. В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964. С. 32.

¹² Грациенков А. В. Царский титул на фризах дворцов Московского Кремля // Музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Т. 15. Кремль России. М., 2003. С. 164–165.

ческая традиция XVII в.¹³ Всегда, повторимся, и по не требующим особых объяснений причинам первым фигурировало имя отца-правителя и только потом наследника-сына.

Во-вторых, известны надписи сходной со стокгольмским шлемом структуры на предметах, принадлежавших детям московских суверенов (существовали, само собой, и надписи без упоминания имени отца¹⁴). Выглядят они так: «Перечница царя государя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси сына царевича Федора»¹⁵, «Достокан государя царя великого князя Ивана Васильевича всея Руси сына царевича князя Федора»¹⁶.

Если речь шла о заказе предмета отцом для сына или отцовском пожаловании, то и здесь «стареишинство» естественным образом соблюдалось как, например, в надписи на шлеме, заказанном Иваном Грозным для сына, царевича Ивана Ивановича¹⁷ (об этом шлеме речь подробнее пойдет ниже), или братине, пожалованной царем Михаилом Федоровичем сыну, царевичу Ивану Михайловичу¹⁸.

В тех случаях, когда титулы отца и сына не представляли собой единой строки, надпись с именем и титулом отца помещалась выше имени сына, как, например, круговые строки на стакане с именами царя Алексея Михайловича и царевича Алексея Алексеевича¹⁹. Таким образом, имя отца во всех известных случаях открывало надпись, а имя сына — завершало.

Если следовать вышеизложенной логике расположения имен в надписях XVI–XVII вв., то либо надпись на стокгольмском шлеме является необъяснимым исключением, либо стоящий первым Иван Васильевич в надписи на шлеме должен быть все-таки отцом, а следующий за ним Василий Иванович — его сыном.

Ситуация, когда в доме московских Калитовичей современниками были соименные надписи на шлеме Иван Васильевич и Василий Иванович (но первый был отцом, а второй — сыном) имела место тремя десятилетиями ранее гипотетической даты изготовления стокгольмского шлема — в пору великого княжения Ивана III при наследнике стола князе Василии Ивановиче. В надписи, однако, если Иван Васильевич — действительно отец, он титулуется «князь», Василий же Иванович, гипотетический сын первого, титулуется сначала «великого князя сын», а затем даже «государь всея Руси». Последнее кажется

¹³ Ср., например: «Совершена сия книга повелениемъ великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси самодержца в третье лето Богомъ хранимая державы его и при сыне его государеве благоверномъ царевиче и великомъ князе Дмитрие Алексеевиче в первое лето рождения его...» (Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарии / Под ред. Л. А. Ивиной. М., 1987. С. 136).

¹⁴ «Князя Ондreja Ивановича лета 7021» (подсадачный нож младшего сына Ивана III), «Благоверного царевича и великого князя Алексея Петровича» (кубки сына царя Петра) (цит. по: Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 2. Кн. 3. С. 12, 66, 279–280); «Божию милостию государыня царевна и великая княгиня Татиана Михайловна» (чарка дочери царя Михаила Федоровича) (цит. по: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2000. Ч. 2. С. 36).

¹⁵ *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. Т. 2. С. 196.

¹⁶ Государственный Исторический музей (Москва). Отдел драгоценных металлов. № 83711 ОК 14163. — За информацию сердечно благодарю М. В. Ворожбитову.

¹⁷ Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 2. С. 12–13 («Повелениемъ... царя великого государя Ивана Василиевича всеа Русии самодержца сделанъ шеломъ сеи благоверному сыну его царевичу Ивану Ивановичу...»).

¹⁸ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. С. 35 («...Божиею милостию мы, великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси сею братиною пожаловал сына своего царевича князя Ивана Михайловича»).

¹⁹ Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон: «Премудрая двоица». Каталог выставки / Науч. ред. А. К. Левыкин. М., 2005. С. 175 (№ 113).

невероятным, но известен пример титулования другого сына Ивана III усеченным «всех Русии» при одновременном отсутствии этого титула у отца. В 1477–1478 гг. был изготовлен московский «золотой угорский», подражание венгерскому золотому дукату, с именами Ивана III на аверсе и его сына от первого брака, Ивана Ивановича, на реверсе, титулуемых как «КН[Я]ЗЬ ВЕЛ[И]КИ[И] ИВАН ВАСИЛЕ[ВИЧ]» и «КН[Я]ЗЯ В[Е]Л[И]КОГО ИВАН[А] ИВАНОВИЧ[А] ВСЕЯ РУСИ»²⁰.

На «золотом угорском», как видим, одинаковый великокняжеский титул носят и отец, и сын, и это далеко не случайно. Вопрос об одновременном титуловании старших сыновей и внука при жизни отца и деда, Ивана III, титулом великого князя имеет некоторую предысторию.

Великокняжеским титулом по понятным причинам всегда обычно владел один из московских Рюриковичей, первенствующий. Но с 1448 г., в княжение великого князя Василия Васильевича Темного (1425–1462 гг.), впервые в истории дома московских суверенов титуловаться великим князем стал по воле отца и при его жизни и его старший сын. Восьмилетний на тот момент князь Иван Васильевич, будущий Иван III, получил вместе с титулом великого князя от отца в управление Переяславль²¹.

В княжение самого Ивана III великим князем в официальных документах при жизни отца титуловался уже его старший сын, рожденный в первом браке, князь Иван Иванович Молодой, провозглашенный еще при жизни отца наследником великокняжеского стола и оставшийся им до безвременной кончины в марте 1490 г. Иван Иванович получил, как и ранее его отец от деда, территории в управление, в поземельных актах писался великим князем²² и имел собственную печать с великокняжеским титулом²³. Оба «великих князя», отец и сын, исповедовались у одного духовника, который был еще и общим, одним на двоих печатником²⁴, т. е. хранителем двух великокняжеских печатей. Запись на замечательном памятнике книжности времени Ивана III, Буслаевской Псалтыри, гласит, что «Книга сия написана в лета великих князи Ивана Василиевича и Ивана Ивановича самодержец Руския земли»²⁵.

Восемь лет спустя после кончины «князя великого» Ивана Ивановича, в 1498 г., великий князь Иван III назначил наследником «стола» не старшего сына от второго брака, Василия Ивановича, а внука, Дмитрия Ивановича, утвердив его в этом качестве особой церемонией в Успенском соборе Кремля с возложением «шапки» и провозглашением соправителем деда

²⁰ *Спаский И. Г.* Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1976. Т. 8. С. 110–131.

²¹ *Семенченко Г. В.* О хронологии некоторых грамот, упоминающих «великого князя» Ивана III Васильевича // *Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985.* С. 51, 54–55. — Младший брат Ивана Васильевича, Юрий Васильевич, управлял при жизни отца Дмитровом (*Назаров В. Д.* Дмитровский удел в конце XIV – середине XV вв. // *Историческая география России XII – начала XVII вв. М., 1975.* С. 58–62), но великокняжеского титулования не имел.

²² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. / Сост. И. А. Голубцов. М., 1964. Т. 3. С. 94–95, 131, 259; подробнее о его статусе см.: *Капитанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 27–32.

²³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. 3. С. 176; *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. С. 158–159.

²⁴ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. / Сост. А. И. Плигузов. М., 1987. Вып. 2. С. 264 («Богом взлюбленному... великих князей печатнику во граде... Москве, наипаче же... духовнику господину моему имярек»). Здесь и далее в сносках разрядка моя. — *А. Л.*

²⁵ Цит. по: *Борисова Т. С.* О составе Буслаевской Псалтыри // *Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень.* М., 1992. Вып. 25. С. 111.

с титулом великого князя. Во время церемонии, согласно сохранившемуся «чину поставления», многолетие провозглашалось двум великим князьям: сначала деду — «великому князю Иоанну Васильевичу Владимирскому и Ноугородцкому всея России самодержцу», потом внуку — «великому князю Дмитрею Ивановичу Владимирскому и Ноугородцкому всея России»²⁶. Заметим, при равенстве великокняжеского титула Дмитрий-внук не титуловался самодержцем.

Первенство внука среди мужской части семьи Ивана III продлилось, однако, недолго, всего несколько месяцев. «От Софии (великой княгини Софьи Фоминичны Палеолог, второй жены. — А. Л.) у Иоанна было пять сыновей... Он наделил их наследством еще при жизни... Гавриилу (Василию Ивановичу. — А. Л.) приказал Новгород Великий, прочим подарил остальное по своему усмотрению»²⁷. Событие, описанное С. Герберштейном, произошло в 1499 г.²⁸ — «того же лета июля в 29 князь великий... пожаловал своего сына князя Василья великим княжением, Новым городом и Псковом и нарече его великим князем, и благословиша его митрополит Симан на великое княжение новгороцкое»²⁹.

Таким образом, великокняжеский домен, Новгород Великий, был передан не великому князю Дмитрию Ивановичу, а князю Василию Ивановичу, и всего год спустя после наречения Дмитрия-внука наследником и великим князем юридическое основание для такого же великокняжеского титулования получил от отца третий мужчина великокняжеской семьи, первенец от второго брака, князь Василий Иванович.

Л. В. Черепнин связывал пожалование Василия Ивановича Новгородом с задачей укрепления западных границ на случай войны с Литвой³⁰, но это было, несомненно, решение политическое. По старой русской традиции, сувереном Великого Новгорода действительно считался великий князь, в нашем случае — сам Иван Васильевич. Но в решении отца фигурировал еще и Псков, в котором это решение Ивана III было истолковано как болезненный разрыв с политической традицией, вызвало серьезные политические разногласия «пскович» с Кремлем. Приехавший в Псков в 1499 г. «посол от великого князя» сообщил «псковскому князю Александру Володимировичю (московскому наместнику, князю Александру Владимировичу Ростовскому. — А. Л.) и посадником и... всему Пскову, что де я (Иван III. — А. Л.)... сына своего пожаловал великого князя Василья, дал ему Новгород и Псков». Посадники, «здумавше со пскович», послали в Москву делегацию «бити челом князем великим Ивану Васильевичу и вноукоу его Дмитрию Ивановичу, чтобы держали отчину свою въ старине, а которой бы был велики князь на Москве, той бы и нам был государь». Приезд псковичей в столицу вызвал гнев Ивана III, арест части делегации и резкую отповедь псковичам: «Чи не волен яз въ своем вноуке и оу своих детех? Ино кому хочю, тому дамъ княжество!»³¹ — совершенно в духе внука великого

²⁶ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М., 1987. Вып. 3. С. 611.

²⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 66.

²⁸ Лурье Я. С. Краткий летописец Погодинского собрания // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1962. С. 435.

²⁹ ПСРЛ. Т. 26. М., 2006. С. 291. — Цитируемая Вологодско-Пермская летопись и некоторые другие летописные памятники (см., например: Лурье Я. С. Краткий летописец Погодинского собрания. С. 443) датируют событие 29 июля, большинство же относит его к 21 марта 1499 г. (см., например: ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 236–237; Т. 12. М., 2000. С. 249; Т. 21. СПб., 1908. Вторая половина. С. 571–572). По наблюдениям С. М. Каштанова (Каштанов С. М. Социально-политическая история России... С. 38), между 1490 г. (годом кончины сводного брата) и 1497 г. Василий Иванович титуловался только князем.

³⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 315.

³¹ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 82.

князя, царя Ивана Грозного («а жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмь были»³²). С прибывшим вскоре во Псков новгородским архиепископом Геннадием Гонзовым псковичи имели долгий спор («и того много томилось со владыкою»), может ли он «молити бога за князя великого Василья», поскольку вопрос в Москве еще не решен, «и не имя тому веры, что быти князю Василью великим князем новгородским и псковским»³³. В итоге коллизия разрешилась, причем в пользу псковичей — Пскова Василий Иванович в этот раз не получил, город остался за его отцом³⁴.

Считается, что отрицательное отношение псковичей к проекту было спровоцировано угрозой нового подчинения Пскова Новгороду³⁵, но, как представляется, дело было в ином. В Пскове точно уловили двусмысленность ситуации при московском дворе, поскольку «присылка» наместника — «князя», древняя привилегия суверена, в пока еще сохранявший управленческую «старину» Псков теперь переходила к наследнику при живом отце, т. е. фактически понижала статус Пскова. Новгород же уже не первый год жил в условиях ликвидации старых институтов власти и управлялся московскими наместниками, а не «князем»³⁶.

Как бы там ни было, новгородское пожалование осталось за сыном великого князя, и в 1499 г. Василий Иванович «стал на законных основаниях великим князем всея Руси»³⁷, третьим здравствующим обладателем великокняжеского титула³⁸. При этом властные полномочия Дмитрия-внука были этим актом фактически дезавуированы³⁹. С. М. Каштанов полагает, что ослабление его позиций имело место уже несколько месяцев спустя после церемонии в Успенском соборе, на рубеже 1498–1499 гг., и к лету 1499 г., времени пожалования Василия Ивановича Новгородом, стало свершившимся фактом⁴⁰.

Важно, однако, отметить, что с пожалованием великим князем Василия Ивановича такого же великокняжеского титулования не утерял и его племянник, Дмитрий-внук, и между 1499 и 1502 гг., годом «опалы» последнего, в Москве «сидело» трое, повторимся, великих князей⁴¹. Как и ранее покойный Иван Иванович, его единокровный брат, Василий

³² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Под ред. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыкова. Л., 1979. С. 26.

³³ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 82.

³⁴ Ср.: «Наместники... самоуправствовали, вся фактическая власть была... в руках великого князя, наместник его хозяйничал в Пскове и пригородах. Вече... было бессильно» (*Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 70).

³⁵ *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России... С. 119.

³⁶ Ср. Никоновскую летопись под 1509 г.: «И князь великий... пожаловал магистра... велель наместникомъ Новгородскимъ и князю Псковскому съ нимъ взяти перемирие на 14 лет» (ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 12).

³⁷ *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России... С. 122–123.

³⁸ *Филошкин А. И.* Василий III. С. 34–35 («на Руси оказались три великих князя одновременно»).

³⁹ *Филошкин А. И.* Василий III. С. 32.

⁴⁰ *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России... С. 95, 97; ср.: «Мы не можем точно датировать устранение Дмитрия от дел внутреннего управления. Оно имело место, во всяком случае, после сентября 1498 г.» (*Каштанов С. М.* Социально-политическая история России... С. 102).

⁴¹ И. А. Голубцов полагал, что Василий Иванович титуловался великим князем ранее пожалования его Новгородом в 1499 г. и «не отказался от этого титула» после 4 февраля 1498 г., дня венчания Дмитрия-внука (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси... Т. 3. С. 79). Аргументированные сомнения в обладании Василием Ивановичем великокняжеским титулом ранее 1499 г. см.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России... С. 38, 97–98.

Иванович при жизни отца не только владел великокняжеским титулом, но также пользовался собственной великокняжеской печатью⁴².

В 1502 г. количество носителей великокняжеского титула в Москве сократилось с трех до двух. «Апреля 11 в понедельник» дед «положил опалу на внука своего великого князя Дмитрия... и от того дни не велел... поминати на охтениахъ и литияхъ, ни на ризахъ и великим князем... Тое же весны апреля 14 в четверток на память преподобных отца нашего Мартына папы Римского князь... великии... пожаловал сына своего Василия, благословил и посадил на великое княжение Володимерское и Московское и всеа Русии самодержцом по благословению Симона митрополита всеа Русии»⁴³ (здесь и далее разрядка моя. — А. Л.). Каковы бы ни были причины опалы, но девятнадцатилетний Дмитрий-внук был заключен в тюрьму и лишен великокняжеского титула. Наследником и соправителем великого князя был объявлен Василий Иванович. Великим князем он титуловался и ранее, с 1499 г., но теперь к нему добавилось «всеа Русии самодержец», чего не было в великокняжеском титуле Дмитрия-внука.

Таким образом, к домену великого князя Василия Ивановича еще при жизни отца отошли не только Новгород, но и Великое княжение Владимирское с Москвой и (теперь уже безоговорочно) Псков. Приговоры Освященного собора сентября 1503 г. утверждали два великих князя всеа Русии, отец и сын⁴⁴, и о здравии двух великих князей в окружной грамоте духовенству апреля 1502 г. – апреля 1503 г. указывал молиться митрополит Симон⁴⁵.

Тем не менее, великокняжеский титул, утерянный в 1502 г., к высокородному «сидельцу», Дмитрию-внуку, похоже, вернулся три года спустя, что, правда, на судьбу его не повлияло. Никоновская летопись, официальный великокняжеский летописный свод, созданный в 20–30 х гг. XVI в., в княжение Василия III⁴⁶, кончину в тюрьме Дмитрия-внука в 1509 г. описывает как «преставление благоверного великого князя»⁴⁷. Момент «реабилитации» внука смертельно больным дедом, имевший место в последние часы

⁴² С. М. Каштанов обратил внимание на то, что в описной книге Романовского Богоявленского монастыря 1743 г. упоминается «сударева грамота князя великого Василья Иоановича за красною вислою печатью», датированная 1501 г. (Каштанов С. М. Социально-политическая история России... С. 170). Н. А. Соболева указывает три сохранившихся экземпляра «великокняжеской печати» Василия Ивановича, при грамотах 1496, 1501 и 1504 гг. (Соболева Н. А. Русские печати. С. 159–160), хотя слово «великий» различимо читается только на последней.

⁴³ Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина. М., 1957. С. 144; ср.: «Великии князь... пожаловал сына своего Василья... посадил на великое княжение Володимерское и Московское и учинил его всеа Русии самодержцем» (ПСРЛ. Т. 26. С. 295); «Князь великии положи опалу на внука своего великого князя Дмитрея Ивановча и... пожаловал сына своего Василья. Благословил и посадил на великое княжение... и учинил его всеа Русии самодержцем» (ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 295); «Князь великии... възведе на великое княжение сына своего князя Василья месяца апреля 14 день» (ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 139); «Князь... великии пожаловал сына своего князя Василья благословил и посадил на великое княжение Володимерское и Московское и учинил его всеа Русии самодержца» (ПСРЛ. Т. 33. М., 1977. С. 134).

⁴⁴ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI. М., 1987. Т. 5. С. 658, 660 («Мы, Иоанн, божий милостию государь всеа Русии и великий князь и сын мой князь великий Василей Ивановичъ всеа Русии»).

⁴⁵ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI. Т. 2. С. 373.

⁴⁶ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII в. М., 1980. С. 44.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 11 («Преставление великого князя Дмитрия Ивановича. Тоя же зимы... преставися благоверный князь великий Дмитрий Ивановичъ въ нузи въ тюрьме, и положиша тело его в церкви Архангела на Москве возле отца его великого князя Ивана Ивановича»).

жизни Ивана III, красочно описан С. Герберштейном⁴⁸, и сомнений реальность рассказа имперского дипломата, похоже, не вызывает⁴⁹. Если это так, то, во-первых, понятно, что Дмитрий-внук, лишенный дедом великокняжеского титулования и восстановленный в нем при освобождении в 1505 г., вскоре уже по воле дяди, Василия III, был снова возвращен в темницу, но теперь формально великим князем, и с этим титулом прожил «в железах» следующие семь лет, вплоть до кончины.

Возвращаясь к событиям 1502 г., связанным с падением Дмитрия-внука, отметим, что о переменах в Москве был оповещен крымский «брат» и союзник Ивана III, хан Менгли-Гирей. Согласно посольскому наказу 1502 г., русские послы должны были объявлять в Бахчисарае в случае, если «спросит... кого ныне князь великий пожаловал под собою государствы, великие княжествы», что «пожаловал государь наш сына своего великого князя под собою государствы, всеми великими княжествы по т о м у ж, к а к н ы н е с а м н а г о с у д а р с т в а х, а его также всеми государствы пожаловал. А спросят... про внука... и государь наш... у своего внука великое княжество взял да пожаловал всеми княжествы сына своего князя Василья»⁵⁰.

Как видим, речь шла о подтверждении на межгосударственном уровне «полной мочи» Василия Ивановича, равного отцу сына-соправителя. Похоже, это утверждение не было пустой декларацией и, в отличие от «великих князей» Ивана Ивановича и Дмитрия-внука, Василий Иванович едва ли не целиком принял бразды правления государством еще при жизни отца уже в следующем, 1503 г.

Почти ровно год спустя после падения Дмитрия-внука, «апреля в 7 в пяток» 1503 г., великого князя постигло несчастье — кончина супруги, великой княгини Софьи Фоминичны⁵¹, а вскоре, «июля в 28 на память святыхъ апостоль Прохора и Никонора, Симона и Пармена»⁵² — еще и «посещение от Бога», инсульт, «отняло у него руку и ногу и глаз»⁵³.

Внезапно возникшие проблемы со здоровьем подтолкнули Ивана III форсировать процесс передачи власти сыну. Договорную грамоту о перемирии между Псковом и Орденом в июле–августе 1503 г. составляли от имени обоих великих князей, «der groten hern der Russischen keyssere ere statholdere»⁵⁴, хотя ранее субъектом таких договоров с русской стороны выступал один «keyser», Иван III⁵⁵.

⁴⁸ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 66 («Только перед смертью он призвал к себе Димитрия и сказал ему: “Дорогой внук, я согрешил перед богом и тобою, заключив тебя в темницу и лишив законного наследства. Поэтому молю тебя, отпусти мне обиду... будь свободен и пользуйся своими правами”... Дмитрий охотно простил деду его вину. Но когда он вышел от него, то был схвачен... и брошен в темницу»).

⁴⁹ Филюшкин А. И. Василий III. С. 45.

⁵⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. СПб., 1884. Т. 1. (Сборник РИО. Т. 4). С. 440, 463, 493.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 26. С. 296; Т. 28. С. 337.

⁵² Иоасафовская летопись. С. 145.

⁵³ Цит. по: Бегунов Ю. К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 352.

⁵⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 332. — Сохранился только немецкий противень договора, в котором и Иван III, и Василий Иванович титулуются «keiser», в русском переводе грамоты цитируемого издания — «царь». О соотношении латинских и немецких вариантов титула московского суверена в документах внешних сношений Новгорода после утери им самостоятельности см.: Успенский Б. А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000. С. 44–45.

⁵⁵ Успенский Б. А. Царь и император. С. 44.

Тяжкие последствия июльского «посещения» не позволили Ивану III в августе 1503 г. принять обязательное, согласно посольскому обычаю, личное участие в приеме и отпуске литовского гонца. За него это сделал «великий князь Василии», хотя грамота была адресована великим князем Александром Казимировичем не ему, а «брату и цтю (тестю. — А. Л.) нашему», т. е. Ивану III, и от имени Ивана III, а не Василия Ивановича, в Москве тогда же был составлен ответ, отосланный в Вильну⁵⁶.

К лету следующего 1504 г. Иван III частично, надо полагать, восстановил пошатнувшееся здоровье и вернулся, хотя и не в полном объеме, к исполнению государственных обязанностей, теперь уже полностью разделяя их с сыном. Литовских послов в Кремле принимал на этот раз не один, а два великих князя, отец и сын. При этом «великому князю большому» поклон от короля правил сам посол Станислав Глебович, а «великому князю Василью» — второе лицо миссии, Юрий Зиновьев, а все церемониальные действия на посольском приеме дублировались: «руки им (послам. — А. Л.) оба великие князя подавали», на посольском отпуске королю «поклон приказывали» «оба великие князи»⁵⁷ и т. п. Показательно, что ранее посольский церемониал предусматривал один общий поклон великого князя литовского всем трем сыновьям Ивана III — Василию, Юрию и Дмитрию Ивановичам, равно как и ответный, также общий от троих поклон, передававшийся московскими дипломатами в Вильне⁵⁸.

Возникшие проблемы со здоровьем вынудили Ивана III к составлению нового варианта духовной грамоты. По воле отца за Василием Ивановичем были теперь уже на бумаге закреплены не только все прежние пожалования, в первую очередь великокняжеский домен со столицей во Владимире и Новгород, но теперь еще и Псков⁵⁹.

Как видим, Василий Иванович сделался фактическим соправителем отца с максимально широкими полномочиями более чем за два года до кончины Ивана III. Понятно, что юридическую силу завещание обрело только по кончине завещателя, но вряд ли пункт о полном подчинении братьев старшему был после лета 1503 г. для кого-то из них тайной и обрел фактическую силу еще до вступления завещания в силу⁶⁰.

Единственным признаком «старейшинства» великого князя-отца практически до его смерти оставался холостой статус великого князя-сына. Иван III женил Василия Ивановича 4 сентября 1505 г., всего за месяц-два до собственной кончины, взрослым 27-летним мужчиной, притом, что сам был обручен на восьмом году жизни, а венчан на двенадцатом. Надо сказать, что этот опыт Василий III позже применил на практике сам, запретив младшим братьям жениться до появления собственного наследника и разрешив

⁵⁶ Памятники дипломатических отношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1882. Т. 1. С. 1487 по 1533 гг. (Сборник РИО. Т. 35). С. 435, 437.

⁵⁷ Памятники дипломатических отношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1. С. 439–454, 457–458.

⁵⁸ *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России... С. 61 (автор ссылается на наблюдение Дж. Феннела), 69, 96.

⁵⁹ *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 63, 66. — С. М. Каштанов относит время составления духовной к концу декабря 1503 г. — первой половине января 1504 г. (*Каштанов С. М.* Социально-политическая история России... С. 198–202).

⁶⁰ «Приказываю детеи своих меньших, Юрья с братьею, сыну своему Василию, а их брату старейшему. А вы... держите моего сына Василия, а своего брата старейшего, в мое место, своего отца, и слушайте его во всем» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Сост. Черепнин Л. В. М., 1950. С. 353–364).

брак последнему живому к 1533 г. брату, Андрею Ивановичу, за десять месяцев до собственной кончины⁶¹.

Между «посещением», составлением духовной с передачей всех полномочий сыну на рубеже 1503–1504 гг. и кончиной Ивана III, последовавшей между 18 октября и 28 ноября 1505 г.⁶², летопись отмечает единственное деяние большого великого князя, потребовавшее серьезных физических усилий — трехмесячную богомольную поездку по монастырям «съ сыномъ своимъ съ великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ и з детми»⁶³. Заметим, что старший сын в летописной записи фигурирует теперь отдельно от «детей».

Возвращаясь к надписи на стокгольмском шлеме, мы можем констатировать, что «господарь всея Руси» и «самодержец» вполне может сопровождать имя «великого князя сына» Василия Ивановича еще при жизни отца, коль скоро он действительно сын «князя» Ивана Васильевича — Ивана III, имя которого в соответствии с традицией открывает надпись. Отец, Иван Васильевич, о чем писалось выше, предстает в таком случае в несколько двусмысленном положении — одновременно и князя, и великого князя. Не есть ли это отражение некоей реальной политической ситуации, когда «старший великий князь» в силу проблем со здоровьем целиком отошел от дел почти за два года до кончины, закрепив свою волю передачей всей полноты власти сыну и утвердив эту передачу заранее составленной духовной?

Если это так, то стокгольмский шлем, точнее, кириллическую надпись, надо датировать не 1530–1533, а 1503/1504–1505 гг., и предназначался он великому князю Василию Ивановичу, ставшему таковым фактически еще при жизни отца. Кстати, и размер шлема, как помним, говорит о принадлежности его не трехлетнему ребенку, а взрослому человеку — Василию Ивановичу (если высказанные выше предположения о предназначении шлема именно ему верны) к моменту обретения высших полномочий шел двадцать пятый год.

В связи с предполагаемой датировкой шлема стоит вернуться к его происхождению. «Шеломъ» был изготовлен на Востоке, а кириллическая надпись на него нанесена в Москве. Хан Менгли-Гирей, как помним, был оповещен о переменах в Москве, чего Иваном III не было сделано, во всяком случае, официально, даже в отношении собственного зятя, великого князя литовского Александра Казимировича⁶⁴. Правда, именно в этот год прежнее «братство» московского и крымского суверенов начало как будто бы клониться к закату, но случилось это далеко не сразу, и еще в 1506 г. Москва и Бахчисарай заключили очередной договор⁶⁵.

Не был ли шлем подарком «царя» Менгли-Гирея новому «великому князю», Василию Ивановичу по случаю изменений в конфигурации власти в Москве, о которых сообщили в

⁶¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 68, 76.

⁶² Сводку разноречивых летописных известий о дате кончины великого князя см.: *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. С. 70. Примеч. 33.

⁶³ ПСРЛ. Т. 12. С. 257–258. — Московский собор «на еретиков», в котором принимали участие оба великих князя, заседал в столице в сентябре 1503 г. и предшествовал поездке, которую С. М. Каштанов связывал с серьезным улучшением здоровья Ивана III уже в сентябре, к началу соборных заседаний (*Каштанов С. М.* Социально-политическая история России... С. 197).

⁶⁴ Женой Александра Казимировича была дочь Ивана III, Елена Ивановна. В интенсивной дипломатической переписке и документах посольских сношений Москвы и Вильны 1502–1505 гг. никаких сведений о переменах в статусе Василия Ивановича нет (см.: Памятники дипломатических отношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1. С. 335–439).

⁶⁵ *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 156, 164–166.

Крым, и не была ли русская надпись нанесена в Москве тогда же или, во всяком случае, не позднее рубежа 1503–1504 гг.?

Имена детей, включая старшего сына, еще при жизни отца фигурировали в каких-то договоренностях между Москвой и Бахчисараем. Одним из первых внешнеполитических деяний Василия Ивановича после кончины Ивана III и официального вступления на московский стол было изучение состояния дел с Крымом. «Тоя же осени (1506 г. — А. Л.)... посмотри в шертные грамоты Менгли-Гиреевы цареви, что было со отцом его... о дружбе и братстве, а п и с а н о н а н и х ъ, н а д е т е и» новый великий князь московский «посла в Крым... ближняго своего человека Василья Наумова»⁶⁶. Возможно, «царь» «шертовал» еще при жизни отца сыну — «великому князю». Если это так, то шлем, возможно, был прислан Василию Ивановичу после оповещения Иваном III Менгли-Гирея о новом статусе старшего сына и мог играть вполне официальную роль дара ему «крымского царя».

Надо заметить, что шапка обычно входила на Востоке в набор почетных «поминков», присылавшихся, например, султанами Оттоманской Порты своим вассалам, крымским ханам, по случаю восхождения на трон⁶⁷. Похоже, эта же, по сути восточная, традиция одаривать шапкой вассала российских государей, касимовского царя, поддерживалась и в Москве⁶⁸. Разумеется, говорить, возвращаясь к стокгольмскому шлему, о вассальных отношениях Крыма и Москвы в начале XVI в. не приходится, но сам по себе такой дар был вполне уместен на фоне сохранившейся и после «стояния на Угре» 1480 г. традиции выплаты символического «выхода» в Крым⁶⁹.

Если высказанные выше предположения верны, то надпись могли нанести в Москве по получении шлема из Бахчисарая, и шлем этот изначально предназначался не еще здравствующему на тот момент великому князю Ивану Васильевичу, а его сыну, тоже великому князю и «господарю всея Руси самодержцу», Василию Ивановичу.

Похоже, что кроме ситуации 1503/1504–1505 гг. шлему пришлось еще раз сыграть в доме московских Рюриковичей какую-то, надо признаться, не до конца ясную символическую роль.

Еще Ф. Ф. Бобринский отметил, что у стокгольмского шлема есть в Москве «двойник», аналогичной формы боевой головной убор, «шеломъ», изготовленный в 1557 г. по приказу Ивана Грозного для наследника престола, царевича Ивана Ивановича и поныне хранящийся в Оружейной палате Московского Кремля⁷⁰ (ил. 6). Надпись на шлеме гласит: «ПОВЕЛѢНИЕМЪ БЛАГОВѢРНАГО ХРИСТОЛЮБИВАГО ЦАРА ВЕЛИКОГО ГОСУДАРА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИ САМОДЕРЖЦА СДѢЛАНЪ ШЕЛОМЪ СЕИ БЛАГОВЕРНОМУ

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 1.

⁶⁷ Тунманн [И. Э.] Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 24; Смирнов В. Д. Крымское ханство под властью Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 297, 320–321; Инальчик Х. Хан и племенная аристократия: Крымское ханство под управлением Сахиб-Гирея // Панорама-Форум. Казань, 1995. № 3. С. 87.

⁶⁸ Ср.: «118-го году был у государя (царя Василия Ивановича Шуйского. — А. Л.) царевич Казанские орды, и государь его пожаловал... царем на Касимов, да дал... шапку горлатную черную да шапку мисюрскую серебряную» (Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. 7113–7121 гг. М., 1907. С. 180).

⁶⁹ Ср. один из пунктов духовной грамоты Ивана III: «А дети мои... дають... съ своих уделов в выходы в о р д и н с к и е и въ Крым, и в Азтарыхань, и в Казань, и во Царевичев городок» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 362); о «выходе» в Крым после ликвидации в 1480 г. ига см.: Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. С. 233–234.

⁷⁰ Бобринский А. А. Шлем Ивана Грозного. С. 322; описания шлема см.: Опись Московской Оружейной палаты. М., 1886. Ч. 3. Кн. 2. С. 12–13.

СЫНУ ЕГО ЦЕСАРЕВИЧУ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ В ЧЕТВЕРТОЕ ЛѢТО РОЖДЕНИЯ ЕГО ВЪ ПРЕИМЕНИТОМЪ ЦАРСТВУЮЩЕМЪ ГРАДѢ МОСКВѢ ВЪ ЛѢТО СЪЪЕ ПОЛА ВЪ И ДЕНЬ»⁷¹.

Стокгольмский шлем, что неоднократно отмечали исследователи, послужил образцом при изготовлении московского. Отсылкой к стокгольмскому прототипу, возможно, надо считать богатую орнаментацию шлема, не сохранившуюся до наших дней, но известную по старым описям⁷², а также близость параметров стокгольмского и московского «шеломов» при существенной, двойной разнице в весе в пользу стокгольмского⁷³.

И. Е. Забелин относил шлем царевича Ивана Ивановича к предметам «детского быта, ратным игрушкам», почему-то охарактеризовав его как «маленький»⁷⁴, хотя «шеломъ» по размерам вполне «взрослый».

Безусловно, ближе к истине С. Н. Богатырев, полагающий, и справедливо, что оба шлема — и стокгольмский, и московский — имели церемониальное значение⁷⁵. С чем согласиться невозможно — так это с тем, что, как считает исследователь, церемониальные шлемы-шишаки и, шире говоря, воинский доспех как наследственная инсигния существовал еще в казне первых московских Калитовичей, имел в Москве долгую традицию, в русле которой и надо рассматривать и стокгольмский шлем, и его московского двойника.

Базируется такое предположение С. Н. Богатырева на наличии в великокняжеских духовных трех «золотых» предметов: двух — у великого князя Ивана Ивановича (1358 г.), названных одинаково, «чечак золотъ с камнемъ с женчюги»⁷⁶, и одного — во второй духовной его сына, Дмитрия Ивановича (1389 г.), некоей «снасти золотой»⁷⁷.

Понимание слов «чечак» как «шишак», т. е. шлем и «снасть» как доспех, позволило исследователю выстроить сложную картину складывания парадного «золотого доспеха» в казне внуков и правнуков Калиты. «Чечаки» духовной грамоты 1358 г. автор считает «парадными шлемами, оставленными Иваном Красным своим детям», символами преемственности власти в великокняжеской семье⁷⁸, и уточняет состав «снасти» великокняжеских духовных — в нее входили шлем, сабля и перевязь⁷⁹.

Такое толкование терминов «чечак» и «снасть» имеет свою исследовательскую традицию. Шлемами и оружием считали указанные предметы великокняжеских духовных не только С. Н. Богатырев, но и К. Н. Базилевич и В. А. Кучкин⁸⁰, и в этом историки опирались на труды по древнерусской лексикографии.

⁷¹ Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. С. 12; в новейшей публикации (Государева Оружейная палата. Сто предметов из собрания российских императоров / Науч. ред. А. К. Левыкин. СПб., 2002. С. 44) воспроизведена с ошибками.

⁷² Государева Оружейная палата. С. 300.

⁷³ Московский: диаметр — 18,3 см, вес — 697 г (Государева Оружейная палата. С. 44), высота — 32 см (любезно сообщено автору С. П. Орленко); стокгольмский: диаметр — 19 см, высота — 38 см, вес — 1180 г (Орел и лев. Россия и Швеция в XVII в. С. 56).

⁷⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. С. 93. — Такого рода «потешные доспехи» царевичей XVII в. московской работы известны, но они были действительно «детских» размеров, что сам же И. Е. Забелин и отмечал.

⁷⁵ Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 190–191.

⁷⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 16, 18.

⁷⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 36.

⁷⁸ Богатырев С. Н. 1) Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 184; 2) Еще раз о шапке Мономаха и казне московских князей // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 2 (10). С. 251–252.

⁷⁹ Богатырев С. Н. Еще раз о шапке Мономаха... С. 252.

⁸⁰ Базилевич К. В. Имущество московских князей в XIV–XVI вв. // Труды Государственного Исторического музея. М., 1926. Вып. 3. С. 11; Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // *Средневековая Русь*. М., 2001. С. 174–178.

В самом деле, «чечак» считал синонимом слова «шишак» такой авторитет, как И. И. Срезневский⁸¹, а М. Фасмер связывал их единством основы⁸². Что же до «снасть», то этот термин распространен несравненно шире «чечака», и среди многочисленных значений слова действительно присутствует и «вооружение, доспех», но, заметим, не только оно⁸³.

Единственным известным словарям древнерусского языка примером употребления слова «чечак» остается духовная великого князя московского Ивана Красного, хотя еще М. Фасмер указал на наличие его в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. Действительно, в описании парадного облачения одного из индийских владык тверской купец не только употребляет в связке термины «чечак» и «снасть», но и достаточно точно разъясняет, что это такое: «Да на салтане кавтан весь сажен яхонты, да на шапке чичья коломазеликыи, да саадак золот... да три сабли... золотом окованы, да седло золото, да снасть золотая, да все золото»⁸⁴.

Как видим, «чечак» — «чичак» у Афанасия Никитина — не боевой шлем, а драгоценное украшение «шапки», возможно даже боевого шлема, но никак не сам шлем⁸⁵. Что касается «снасти», то тверской купец использует термин отнюдь не как собирательный, к чему склоняются современные исследователи. «Снасть» «Хождения за три моря» — не оружие (сабли и саадак описаны отдельно), а часть конского убора, как справедливо предполагал в свое время М. Г. Рабинович⁸⁶, но не седло, описанное Афанасием Никитиным также отдельно. Обязательная принадлежность седла — ремни, в описях кремлевской конской казны XVII в. именуемые «седельной снастью»⁸⁷. Очевидно, именно эту часть парадного конского убора и надо понимать под «снастью» духовных грамот московских князей, в которых, кстати, никогда не упоминаются собственно седла. В качестве элемента конского убора «снасть» описана Афанасием Никитиным еще раз: «А бояре силны добре и пышны велми... А пред ними водят кони вь снастех золотых до 20»⁸⁸.

Так что говорить о долгой и устойчивой традиции параллельного существования при московском великокняжеском дворе «практики использования двух типов династических головных уборов — золотой шапки и шлема наследника» как составной части «золотой снасти» — парадного доспеха⁸⁹, как будто бы оснований нет.

Если «стокгольмский шлем» великого князя Василия Ивановича — предмет «штучный», появившийся на свет исключительно в связи с непростой династической ситуацией 1502–1505 гг., пожалованием всех властных полномочий сыну формально еще княжившим

⁸¹ Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 1515.

⁸² Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. М., 2008. Т. 4. С. 355, 445.

⁸³ Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Стб. 452–453.

⁸⁴ Цит. по: *Хождение за три моря Афанасия Никитина* / Под ред. Я. С. Лурье, Л. С. Семенова. Л., 1986. С. 13.

⁸⁵ Ср.: «чеча», «чечка» — цаца, цацка, хорошенькая вещичка (*Даль В. И.* *Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1980. Т. 4. С. 602).

⁸⁶ Рабинович М. Г. *Золотое украшение из Тушкова городка // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР*. М., 1957. Вып. 68. С. 50. — Исследователь, правда, без цитирования, также ссылается на Афанасия Никитина.

⁸⁷ Мельникова О. Б. *Опись 1609–1610 гг. — новый источник по истории Конюшенной казны // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Филимоновские чтения*. М., 2004. Вып. 2. С. 130.

⁸⁸ *Хождение за три моря Афанасия Никитина*. С. 22; ср.: Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Стб. 453.

⁸⁹ Богатырев С. Н. *Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 192.*

отцом, то столь же «штучной» должна быть и ситуация 1557 г., при которой появилась его, условно говоря, копия. При этом если в 1557 г. действительно стояла задача повторить более ранний оригинал, причины изготовления «двойника» совершенно не ясны. Однако одно совпадение лежит на поверхности — близкий возраст мнимого владельца первого, стокгольмского шлема и реальный второго, московского.

Если московские мастера 1557 г., как и большинство наших современников, тоже были уверены, что Иван Васильевич в начале надписи стокгольмского шлема — это будущий Грозный, то к моменту кончины отца ему было 3 года 4 месяца и 1 неделя⁹⁰. Царевич Иван Иванович, в свою очередь, родился 28 марта 1554 г.⁹¹, а дата в надписи шлема, свидетельствующая о завершении работы над ним — 8 июля 1557 г. Следовательно, к этому моменту сыну Грозного было почти столько же, 3 года 3 месяца и 1 неделя. Случайно ли такое совпадение или нет?

В. Л. Комарович в свое время обратил внимание на трехлетие князя как переломный момент в биографии юных Рюриковичей XII–XIII вв. В этом возрасте князья проходили посвященный обряд «постригов» — первой стрижки волос, сопровождавшийся «посажением на конь»⁹². И хотя никаких сведений о существовании обряда «постригов» в послемонгольское время нет, А. Е. Мусин связал древний княжеский семейный обычай с возрастом царевича Ивана Ивановича, указанным в надписи на московском шлеме («В ЧЕТВЕРТОЕ ЛѢТО РОЖДЕНИЯ ЕГО»), высказав предположение о том, что изготовленный в 1557 г. «шеломъ» предназначался для обряда «всажения на конь» трехлетнего наследника Ивана Грозного⁹³.

Надо заметить, что «постриги», о которых писал В.Л. Комарович, в летописях отмечены всего четырежды: в 1192 г. — «оу великаго князя Всеволода сына Гюргиева... сыну его Георгиеви в гради Суждали», в 1194 г. — «въ Володимери» другому сыну Всеволода Большое Гнездо, князю Ярославу Всеволодовичу, в 1212 г. — в Ростове, «оу Костянтина сына Всеволожа сынома его Василку и Всеволоду»⁹⁴ и в 1230 г. — в Новгороде, где черниговский князь Михаил Святославич «сътвори постригы сынови своему Ростиславу... у Святеи Софеи»⁹⁵.

Из всех пяти княжичей, прошедших обряд, к моменту «постригов» три года исполнилось только одному, Ярославу Всеволодовичу⁹⁶, его старшему брату Юрию было четыре⁹⁷, их двоюродным ростовским братьям — соответственно четыре и два года⁹⁸, а посаженному в Новгороде Михаилом Святославичем Черниговским сыну, князю Ростиславу Михайловичу, дата рождения которого неизвестна, было от трех до пяти лет⁹⁹.

Таким образом, даже считая, что в XVI в. при московском дворе мог все-таки существовать древний обряд «посажения на конь», говорить о трехлетию князя как о некоей

⁹⁰ Грозный родился 25 августа 1530 г., а его отец скончался 3 декабря 1533 г.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 228.

⁹² Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 89–90.

⁹³ Мусин А. Е. *Milites Christi* Древней Руси. С. 294.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 437.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 276.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 408–409 (родился «в лето 6698... месяца февраля въ 8 день»).

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 408 (родился «в лето 6697»).

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 434–435 (Василько Константинович родился «6717 декабря въ 7 день»), 435 (Всеволод Константинович родился «6718 июня въ 18 день»).

⁹⁹ См., например: Мартынюк А. В. Князь Ростислав в битве на реке Лейте: «русский эпизод» австрийской истории // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 51–52.

общепринятой дате его проведения, наверное, нет оснований. В связи с этим нет никаких оснований и считать московский шлем 1557 г. причастным к подобной вполне гипотетической церемонии. И если это так, то на самом деле совершенно непонятно, что же могло заставить царя Ивана Грозного отметить в надписи дату изготовления «шлема наследника» именно в этом — 1557 году, и именно этого числа — 8 июля. Ни под этим числом, ни под этим годом источники не оставили известий о сколько-нибудь значимых событиях в царской семье, которые как-то можно было бы связать с изготовлением шлема царевича Ивана Ивановича.

Остается только констатировать, что принципиальной задачей для московских мастеров в 1557 г. было повторение восточного шлема, и надо согласиться с С. Н. Богатыревым в том, что стокгольмский «образец» в Москве при Грозном определенно воспринимался как нечто большее, чем просто парадный доспех.

Данные о статье

Автор: Лаврентьев, Александр Владимирович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, факультет филологии, Национально-исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия, laurentius@list.ru

Заголовок: Принадлежал ли Ивану Грозному «шлем Ивана Грозного»?

Резюме: В статье предложены аргументы в пользу новой атрибуции и датировки знаменитого «шлема Ивана Грозного» (Королевская Оружейная палата, Стокгольм). Владельцем шлема, скорее всего, был «великий князь московский» Василий Иванович, ставший в 1502–1505 гг., еще при жизни отца, Ивана III, его реальным соправителем. Уникальная политическая ситуация начала XVI в. не имела прецедентов, поэтому «шлем Ивана Грозного» невозможно рассматривать в связи с некими устойчивыми традициями существования инсигний наследников великих князей XIV–XV вв., факт наличия которых невозможно к тому же считать доказанным.

Ключевые слова: шлем, регалии, Иван III, Василий III, Иван Грозный

Литература, использованная в статье

Авдеев, Александр Григорьевич. Титулатура Ивана III в латинской и русской надписях на Спасской башне Московского Кремля // Вопросы эпиграфики. Москва: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2006. Вып. 1. С. 16–25.

Агоштон, Магдолна. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. Москва: Древлехранилище, 2005. 460 с.

Базилевич, Константин Васильевич. Имущество московских князей в XIV–XVI вв. // Труды Государственного Исторического музея. Москва: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1926. Вып. 3. С. 3–51.

Бартнев, Сергей Петрович. Московский Кремль в старину и теперь. Москва: Синодальная типография, 1912. Т. 2. 342 с.

Бегунов, Юрий Константинович. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Москва; Ленинград: Наука, 1964. Т. 20. С. 351–364.

Белоброва, Ольга Андреевна. Латинская надпись на Фроловских воротах Московского Кремля и ее судьба в древнерусской письменности // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Москва: Искусство, 1987. Т. 5. Новые атрибуции. С. 51–57.

Бобринский, Алексей Александрович. Шлем Ивана Грозного // Записки Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург, 1898. Т. 10. Вып. 1–2. Новая серия. С. 316–325.

Богатырев, Сергей Николаевич. Еще раз о шапке Мономаха и казне московских князей // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 2 (10). С. 251–254.

Богатырев, Сергей Николаевич. Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). С. 171–200.

Граценков, Александр Викторович. Плита с латинской надписью со Спасской башни и титул государя всея Руси // Вопросы эпиграфики. Москва: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2006. Вып. 1. С. 10–15.

Граценков, Александр Викторович. Царский титул на фризах дворцов Московского Кремля // Музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Москва, 2003. Т. 15. Кремли России. С. 150–165.

Зимин, Александр Александрович. Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). Москва: Мысль, 1972. 452 с.

Зимин, Александр Александрович. Россия на рубеже XV–XVI столетий. (Очерки социально-политической истории). Москва: Мысль, 1982. 332 с.

Инальчик, Халиль. Хан и племенная аристократия: Крымское ханство под управлением Сахиб-Гирея // Панорама–Форум. Казань, 1995. № 3. С. 80–91.

Капитанов, Сергей Михайлович. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. Москва: Наука, 1967. 393 с.

Кистерев, Сергей Николаевич. «Великий князь всея Руси» в XI–XV вв. // Очерки феодальной России. Москва: УРСС, 2002. Т. 6. С. 47–85.

Клосс, Борис Михайлович. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. Москва: Наука, 1980. 312 с.

Комарович, Василий Леонидович. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1960. Т. 16. С. 84–104.

Косточкин, Владимир Владимирович. Государев мастер Федор Конь. Москва: Наука, 1964. 173 с.

Кучкин, Владимир Андреевич. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Москва: Индрик, 2001. С. 106–183.

Лурье, Яков Соломонович. Краткий летописец Погодинского собрания // Археографический ежегодник за 1962 г. Москва: Наука, 1962. С. 431–444.

Масленникова, Наталья Николаевна. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1955. 196 с.

Мартынюк, Алексей Викторович. Князь Ростислав в битве на реке Лейте: «русский эпизод» австрийской истории // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 49–55.

Мельникова, Ольга Борисовна. Опись 1609–1610 гг. — новый источник по истории Конюшенной казны // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Филлимоновские чтения. Москва, 2004. Вып. 2. С. 124–144.

Мусин, Александр Евгеньевич. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2005. 386 с.

Назаров, Владислав Дмитриевич. Дмитровский удел в конце XIV – середине XV вв. // Историческая география России XII – начала XVII вв. Москва: Наука, 1975. С. 58–62.

Орешиников, Алексей Васильевич. Русские монеты до 1547 г. и материалы к истории русской нумизматики доцарского периода. Москва: Древлехранилище, 2006. 336 с.

Рабинович, Михаил Григорьевич. Золотое украшение из Тушкова городка // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957. Вып. 68. С. 45–50.

Семенченко, Георгий Владимирович. О хронологии некоторых грамот, упоминающих «великого князя» Ивана III Васильевича // Археографический ежегодник за 1983 г. Москва: Наука, 1985. С. 50–55.

Смирнов, Василий Дмитриевич. Крымское ханство под властью Османской Порты до начала XVIII в. Санкт-Петербург: Университетская типография, 1887. 824 с.

Соболева, Надежда Александровна. Русские печати. Москва: Наука, 1991. 239 с.

Спаский, Иван Георгиевич. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград: Наука, 1976. Т. 8. С. 110–131.

Тунманн, [Йоганн Эрих]. Крымское ханство. Симферополь: Таврия, 1991. 94 с.

Успенский, Борис Андреевич. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. Москва: Языки русской культуры, 2000. 140 с.

Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс, 2008. Т. 4. 864 с.

Филиошкин, Александр Ильич. Василий III. Москва: Молодая гвардия, 2010. 346 с.

Хорошкевич, Анна Леонидовна. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. Москва: Едиториал УРСС, 2001. 336 с.

Черепнин, Лев Владимирович. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1951. Ч. 2. 428 с.

Bursell, Barbro (ansvarig utgivare). Krigsbyte (War-booty). Livrustkammaren. Stockholm, 2007. 275 p.

Information about the article

Author: Lavrentyev, Aleksandr Vladimirovich — Ph. D. in History, Senior Researcher, Faculty of Philology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, laurentius@list.ru

Title: If «Helmet of Ivan the Terrible» was belonged to Ivan the Terrible?

Summary: The article put arguments in favor to new attribution and dating of well-known «Ivan the Terrible's helmet» (Royal Armory, Stokholm). Helmet have belonged to «the grand duke of Moscow» Vasiliï Ivanovich. Elder son of grand duke Ivan III during lifetime of his father, between 1502–1505, had became a real co-ruler of the Muscovy State. So, the unique political situation of the beginning of 16th century had no precedents therefore. It is impossible to consider «Ivan the Terrible's helmet» in connection with certain steady insigniyas of grand duke's successors, the more so, that fact of it's existence can't be taken for granted.

Keywords: helmet, regalia, Ivan III, Vasiliï III, Ivan the Terrible

References

Agoshton, Magdolna. *Velikoknyazheskaya pechat' 1497 g. K istorii formirovaniya russkoy gosudarstvennoy simboliki* [The Seal of the Great Prince of 1497: On the history of the formation of Russian state symbols]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2005. 460 s. (in Russian).

Avdeev, Aleksandr Grigor'evich. Titulatura Ivana III v latinskoj i russkoj nadpisyakh na Spasskoj bashne Moskovskogo Kremlya [Titles of Ivan III in Latin and Russian inscriptions on the Spasskaya Tower of the Moscow Kremlin], in *Voprosy epigrafiki*. Moscow: «Russkij Fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke» Publ., 2006. Issue 1. P. 16–25 (in Russian).

Bartenev, Sergey Petrovich. *Moskovskiy Kreml' v starinu i teper'* [The Moscow Kremlin in the old days and now]. Moscow: Synodal Print., 1912. Vol. 2. 342 p. (in Russian).

Bazilevich, Konstantin Vasil'evich. Imushchestvo moskovskikh knyazey v XIV–XVI vv. [Property Moscow princes in the 14th – 16th centuries], in *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya*. Moscow: M. & S. Sabashnikovs Publ., 1926. Issue 3. P. 3–51 (in Russian).

Begunov, Yuriy Konstantinovich. «Slovo inoe» — novonaydennoe proizvedenie russkoy publitsistiki XVI v. o bor'be Ivana III s zemlevladieniem tserkvi [“Another Word” — newly discovered work of Russian political journalism of the 16th century about the struggle of Ivan III against Church land ownership], in *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury AN SSSR (Pushkinskiy dom)*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964. Vol. 20. P. 351–364 (in Russian).

Belobrova, Olga Andreevna. Latinskaya nadpis' na Frolovskikh vorotakh Moskovskogo Kremlya i ee sud'ba v drevnerusskoj pis'mennosti [The Latin inscription on the Frolov gate in Moscow Kremlin and its fate in Ancient Russian narrative], in *Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1987. Vol. 5. P. 51–57 (in Russian).

Bobrinskiy, Aleksey Aleksandrovich. Shlem Ivana Groznogo [The Helmet of Ivan the Terrible], in *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Archaeological Society]. St. Petersburg, 1898. Vol. 10. Issue 1–2. P. 316–325 (in Russian).

Bogatyrev, Sergey Nikolaevich. Shapka Monomakha i shlem naslednika: reprezentatsiya vlasti i dinasticheskaya politika pri Vasiliï III i Ivane Groznom [The Cap of Monomakh and the Helmet of an Heir. The Representation of Power and Dynastic Policy under Vasiliï III and Ivan the Terrible], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). P. 171–200 (in Russian).

Bogatyrev, Sergey Nikolaevich. Yeshche raz o shapke Monomakha i kazne moskovskikh knyazey [Once More on the Cap of Monomakh and the Treasury of the Muscovite Princes], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 2 (10). P. 251–254 (in Russian).

Cherepnin, Lev Vladimirovich. *Russkie feodal'nye arkhivy XIV–XV vv.* [Russian Feudal Archives in the 14th–15th centuries]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1951. Part 2. 428 p. (in Russian).

- Filyushkin, Alexander Il'ich. *Vasily III [Vasily III]*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2010. 346 p. (in Russian).
- Grashchenkov, Aleksandr Viktorovich. Plita s latinskoj nadpisyu so Spasskoj bashni i titul gosudarya vseya Rusi [Plate with a Latin inscription with the Spasskaya Tower and the title of the Sovereign of All Russia], in *Voprosy epigrafiki*. Moscow: Russian Foundation for Education and Science Publ., 2006. Issue 1. Pp. 10–15 (in Russian).
- Grashchenkov, Aleksandr Viktorovich. Tsarskiy titul na frizakh dvortsov Moskovskogo Kremlya [Tsar's title on the frieze of the palaces of the Moscow Kremlin], in *Muзей-zapovednik «Moskovskiy Kreml'»*. *Materialy i issledovaniya [Museum-preserve «The Moscow Kremlin». Materials and Research]*. Moscow, 2003. Vol. 15. Pp. 150–165 (in Russian).
- Grönhammar, Ann; Zarmén, Carl; Schmidt, Göran (eds). *Krigsbyte. War-booty. Katalog till utställningen (Stockholm, Livrustkammaren, 23 november 2007 – 28 februari 2009)*. [War booty. Exhibition catalog]. Stockholm: Livrustkammaren, 2007. 285 p. (in Swedish).
- Inalcik, Halil. Khan i plemennaya aristokratiya: Krymskoe khanstvo pod upravleniem Sakhīb-Gireya [The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahīb Giray I], in *Panorama–Forum*. Kazan, 1995. № 3. Pp. 80–91 (in Russian).
- Kashtanov, Sergey Mikhaylovich. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Rossii kontsa XV – pervoy poloviny XVI v. [Socio-political history of Russia in the late XV - the first half of the XVI century]*. Moscow: Nauka Publ., 1967. 393 p. (in Russian).
- Khoroshkevich, Anna Leonidovna. *Rus' i Krym. Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV – nachalo XVI vv. [Russia and Crimea. From Union to confrontation. End of the 15th – beginning of the 16th centuries.]*. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. 336 p. (in Russian).
- Kisterev, Sergey Nikolaevich. «Velikiy knyaz vseya Rusi» v XI–XV vv. [«Grand Duke of All Russia» in 11th–15th centuries], in *Ocherki feodal'noy Rossii [Essays of feudal Russia]*. Moscow: URSS Publ., 2002. Vol. 6. Pp. 47–85 (in Russian).
- Kloss, Boris Mikhaylovich. *Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI–XVII vv. [The Nikon Chronicle and Russian chronicles of the 16th–17th centuries]*. Moscow: Nauka Publ., 1980. 312 p. (in Russian).
- Komarovich, Vasily Leonidovich. Kul't roda i zemli v knyazheskoy srede XI–XIII vv. [The cult of family and land in the princely environment in 11th – 13th centuries], in *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury AN SSSR (Pushkinskiy dom)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1960. Vol. 16. Pp. 84–104 (in Russian).
- Kostochkin, Vladimir Vladimirovich. *Gosudarev master Fedor Kon' [Sovereign's Master Fedor Kon']*. Moscow: Nauka Publ., 1964. 173 p. (in Russian).
- Kuchkin, Vladimir Andreevich. Poslednee zaveshchaniye Dmitriya Donskogo [The Last testament of Dmitry Donskoy], in *Srednevekovaya Rus'*. Moscow: Indrik Publ., 2001. Pp. 106–183 (in Russian).
- Lurie, Yakov Solomonovich. Kratkiy letopisets Pogodinskogo sobraniya [Short chronicle from Pogodin's collection], in *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1962 g.* Moscow: Nauka Publ., 1962. Pp. 431–444 (in Russian).
- Martynyuk, Aleksey Viktorovich. Knyaz' Rostislav v bitve na reke Leyte: «russkiy epizod» avstriyskoy istorii [Prince Rostislav at the Battle of the Leitha River: A «Russian episode» of the Austrian history], in *Drevnyaya Rus'*: voprosy medievistiki. 2013. № 2. Pp. 49–55 (in Russian).
- Maslennikova, Natalya Nikolaevna. *Prisoedineniye Pskova k Russkomu tsentralizovannomu gosudarstvu [An addition of Pskov to the Russian Centralized State]*. Leningrad: Leningrad State University Press, 1955. 196 p. (in Russian).
- Melnikova, Olga Borisovna. Opis' 1609–1610 gg. — novyy istochnik po istorii Konyushennoy kazny [Inventory of 1609–1610 — A new source on the history of the Stables office], in *Gosudarstvenniy istoriko-kul'turniy muzey-zapovednik «Moskovskiy Kreml'»*. *Filimonovskiye chteniya*. Moscow, 2004. Issue 2. Pp. 124–144 (in Russian).
- Musin, Aleksandr Evgen'evich. *Milites Christi Drevney Rusi: Voinskaya kul'tura russkogo srednevekov'ya v kontekste religioznogo mentaliteta [Milites Christi in Old Russia: Russian Military Culture of the Middle Ages in the context of the religious mentality]*. St. Petersburg: Peterburg Orientalism Publ., 2005. 368 p. (in Russian).
- Nazarov, Vladislav Dmitrievich. Dmitrovskiy udel v kontse XIV – seredine XV vv. [Dmitrovsky principdom in the end of 14th – middle of the 15th centuries], in *Istoricheskaya geografiya Rossii XII – nachala XVII vv.* Moscow: Nauka Publ., 1975. Pp. 58–62 (in Russian).

Oreshnikov, Aleksey Vasil'evich. *Russkie monety do 1547 g. i materialy k istorii russkoy numizmatiki dotsarskogo perioda* [Russian coins before 1547 and materials to the history of Russian numismatics during period before the Tsar]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2006. 336 p. (in Russian).

Rabinovich, Mikhail Grigor'evich. Zolotoe ukrashenie iz Tushkova gorodka [Golden decoration from Tushkov town], in *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii materialnoy kul'tury AN SSSR*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1957. Issue 68. Pp. 45–50 (in Russian).

Semenchenko, Georgiy Vladimirovich. O khronologii nekotorykh gramot, upominayushchikh «velikogo knyazya» Ivana III Vasilevicha [On the chronology of some acts that mention the title “Grand Duke” of Ivan III], in *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1983 g.* Moscow: Nauka Publ., 1985. P. 50–55 (in Russian).

Smirnov, Vasilii Dmitrievich. *Krymskoe khanstvo pod vlastyu Ottomanskoj Porty do nachala XVIII v.* [The Crimean Khanate under the suzerainty of the Ottoman Porte to the beginning of the 18th century]. St. Petersburg: University Print., 1887. 824 p. (in Russian).

Soboleva, Nadezhda Aleksandrovna. *Russkie pechati* [Russian Seals]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 239 p. (in Russian).

Spasskiy, Ivan Georgievich. Monetnoe i monetovidnoe zoloto v Moskovskom gosudarstve i pervye zoloty Ivana III [Coin and Coin-gold in Muscovy and the first gold coins of Ivan III], in *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Leningrad: Nauka Publ., 1976. Vol. 8. P. 110–131 (in Russian).

Tunmann, [Iogann Erikh]. *Krymskoe khanstvo* [The Crimean Khanate]. Simferopol: Tavriya Publ., 1991. 94 p. (in Russian).

Uspenskiy, Boris Andreevich. *Tsar i imperator. Pomazanie na tsarstvo i semantika monarshikh titulov* [Tsar and Emperor. Consecration to the Tsardom, and the semantics of royal titles]. Moscow: Languages of Russian Culture Publ., 2000. 140 p. (in Russian).

Zimin, Aleksandr Aleksandrovich. *Rossiya na poroge Novogo vremeni. (Ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.)* [Russia in the beginning of modern times. (Essays on the political history of Russia in the first third of the sixteenth century)]. Moscow: Mysl' Publ., 1972. 452 p. (in Russian).

Zimin, Aleksandr Aleksandrovich. *Rossiya na rubezhe XV–XVI stoletiy. (Ocherki sotsialno-politicheskoy istorii)* [Russia at the boundary of the 15th–16th centuries. (Essays on the socio-political history)]. Moscow: Mysl' Publ., 1982. 332 p. (in Russian).